

Глава первая

На моих руках кровь.
Я стою в Лесу Мертвых рядом с нашим семейным деревом и держу в руке нож. Мои ладони ободраны и кровоточат. Я вот уже почти час пытаюсь резать кору, но смогла вырезать только одну мелкую бороздку. Я не думала, что это окажется так трудно, но бабушка как-то сказала, что эти деревья — особенные: они стали тверже благодаря магии костей, которые висели на них в течение жизней многих поколений. А это дерево видело еще больше магической силы, чем большинство других.

По моему затылку и спине стекает капля пота. Я опускаюсь на землю и прислоняюсь спиной к стволу.

Лето сменилось осенью, и деревья пламенеют разными оттенками красного и оранжевого цветов, как будто весь лес горит. Я чувствую себя так, будто сейчас гадаю на костях и вижу все возможные варианты моего будущего, десятки и десятки тянущихся передо мной путей.

Но ни в одном из них я не вижу мою мать.

И дело не только в том, что она умерла, а в том, что она пропала.

Лэтам украл ее тело, и, если я не найду ее кости, она будет потеряна для меня навсегда. Я думаю о том, как она использовала кости бабушки для моего доведывания. Это спаивает воедино всю нашу семью — кости одного ее поколения показывают судьбу другого. Если я не могу получить назад мою мать, то по чьим же костям будет проводиться доведывание, когда у меня будет дочь? По костям чужого человека? Кого-то, кто никогда не гладил ее по голове, когда она была больна? Кто никогда не смотрел в ее глаза после ночного кошмара и не говорил, что ей не грозит никакая опасность? Кто никогда ее не любил?

Я вздрагиваю, вдруг осознав, что, даже если мне удастся найти кости моей матери, она никогда не сможет утешить мою дочь, как бабушка утешала меня. Никогда не услышит ее смех, никогда не вытрет ее липкие пальцы. Смерть — это череда жестоких откровений, следующих одно за другим, развертывающихся, словно карта душевных мук, границы которой расширяются все дальше и дальше. И я понимаю — моя мать никогда не узнает мою дочь.

Хотя, с другой стороны, быть может, я проживу недолго, и у меня никогда не родится дочь.

Мое горло сдавливают горе и ярость. Я крепко сжимаю нож, задираю голову, смотрю на небо, и на мое плечо падает темно-красный лист.

Раньше осень была моим любимым временем года. Я находила ее поэтичной — из-за листьев, пылающих неистовыми, яркими цветами перед тем, как они задрожат и слетят с ветвей. Как будто последние мгновения жизни всегда бывают ярче всех остальных.

Но теперь я предпочитаю нежные, мягкие цвета весны.

Я шевелюсь, и лист падает с моего плеча на землю. В воздухе пахнет разложением. В нескольких рядах от

меня висит джутовый мешок, в котором лежит труп Илая Хиггинса, испутившего дух две недели назад. А на другом дереве, тоже близком, покоится Хестер Олифф, чье сердце остановилось только вчера. Оба эти дерева покрыты цветами, и имена умерших намедни вырезаны на их стволах под именами тех членов семей, которые ушли прежде. По меньшей мере дюжина деревьев обременена мешками с останками.

А на нашем дереве останков нет. И мне не на чем сосредоточить свое горе.

Я встаю с земли и стряхиваю с юбки пыль. По моей голове и рукам бегут мурашки, и я замираю. В последние несколько недель я испытывала это ощущение много раз. У меня такое чувство, будто мою спину сверлит чей-то взгляд, будто кто-то дышит мне в затылок, будто кто-то следит за мной.

Я резко разворачиваюсь, но вокруг никого нет. Это всего лишь игра моего воображения, всего лишь страх, порожденный последней угрозой Лэтама: *«Скоро увидимся, Саския, можешь не сомневаться»*.

После смерти матушки мне каждую ночь снится один и тот же кошмар. Заснув, я всякий раз снова вижу каждую деталь ее убийства. Как Лэтам вонзает в ее спину нож. Как потрясенно расширяются ее глаза, когда она падает на меня. Как на мои руки льется ее кровь.

Затем мой сон переносит меня в такое место, которого я не видела никогда, — в комнату, полную магических книг и костей, благовоний и непонятных орудий. Ко мне быстро идет Лэтам, держа изготовленный Косторезом меч и глядя на меня глазами, полными такого зловещего восторга, что у меня стынет кровь. Всякий раз я понимаю, что сейчас умру, но просыпаюсь всегда до того, как в меня вонзается клинок.

Лэтам придет за мной — даже когда я пытаюсь об этом забыть, мой разум напоминает мне об этом во сне.

А теперь я навоображала себе то, чего нет, хотя я бодрствую, а не сплю.

Мое сердце бешено колотится, и я медленно и глубоко дышу, пока немного не успокаиваюсь. Затем поднимаю руку с ножом и вновь начинаю царапать кору, углубляя бороздку, которую я вырезала раньше. Обычно Оскар, хозяин костницы, вырезает на дереве имя покойного, когда вешает джутовый мешок на одну из ветвей. Но у меня нет мешка, который он мог бы здесь повесить, нет костей, которые требовалось бы обработать. Завтра я отплываю в Замок Слоновой Кости, и мне невыносима мысль, что на том месте, где должно быть имя моей матушки, останется пустое пространство. Пусть у меня нет ее тела, но я не лишу ее права на память.

Я царапаю кору, пока суставы моих пальцев не начинают дико болеть. Наверняка у Оскара есть инструменты, более пригодные для вырезания по дереву, чем старый ножик моего отца.

За моей спиной кто-то кашляет, прочищая горло:

— Саския?

Я поворачиваюсь и вижу Брэма, его карие глаза участливо смотрят на меня. Во мне вспыхивает яркая искра удивления.

— Ты вернулся, — говорю я. Брэм прибыл в Мидвуд после гибели моей матери, но оставался здесь недолго, поскольку ему надо было вернуться в Замок Слоновой Кости для сдачи экзаменов первого семестра. Я присоединюсь к тамошним ученикам, когда начнется второй семестр, так что я не рассчитывала увидеть его до тех пор. — Что ты здесь делаешь?

— В Мидвуд меня послала Нора, чтобы я плыл на корабле вместе с тобой. — Он криво улыбается. — Думаю, она бы чувствовала себя куда лучше, если бы тебя охраняли все Костоломы Кастелии.

Нора — Управляющая Замок Слоновой Кости. Она предложила мне учиться на Заклинательницу Ко-

стей и хотела, чтобы я отправилась в столицу сразу после обряда прощания с моей матушкой, но мне нужно было время, чтобы оплакать ее. И чтобы придумать, как мне скрыть тот факт, что у меня одновременно и больше, и меньше данных для обучения на Заклинательницу Костей, чем думает Нора. У меня уже есть метка ма-стерства Заклинательницы Костей, поскольку матушка тайно обучала меня, но я солгала, сказав, что на до-выдании я была определена в Заклинательницы Костей. Это было не так. Во всяком случае, не в этой реальности.

— Сдается мне, что Нора просто испытывает чув-ство вины оттого, что один из ее преподавателей убил мою семью, — говорю я, разрезав ботинком кучку па-лых листьев.

По лицу Брэма пробегает тень.

— Может, это и так, но ей к тому же и не все рав-но. Ты поймешь сама, когда узнаешь ее получше. — Он ерошит руками свои волосы — и у меня возникает такое чувство, словно я видела у него этот жест уже много-много раз. Я знаю его много лет, поэтому мне едва ли стоит удивляться тому, что он кажется мне таким знако-мым. Меня волнует и выбивает из колеи не это, а то, *на-сколько* он мне знаком. Потому что очертания его скул, форму его подбородка, нервные движения его пальцев я рассмотрела отнюдь не тогда, когда мы были детьми, а тогда, когда видела мое второе будущее, гадая по сра-щенной кости моей бабули. Иной возможный вариант, которого Брэм никогда не видал. Для него я всего лишь девушка, которая когда-то вынесла ему несправедливый приговор. Меж тем как он для меня...

— Я могу тебе чем-нибудь помочь? — спрашивает он, глядя то на нож в моей руке, то на дерево у меня за спиной.

Внезапно в памяти всплывает видение — он целу-ет меня в губы. Я чувствую, как вспыхивает мое лицо, и прикусываю щеку, надеясь, что он ничего не заметит.

Он склоняет голову набок и вопросительно смотрит на меня:

— Или ты хочешь побыть одна? Я не хочу тебе мешать.

Он превратно истолковал мое смущение, и это хорошо.

— Ты мне не мешаешь. — Я протягиваю ему нож. Когда он берет его в руки, он легко касается большим пальцем метки любви на моем запястье, и я резко втягиваю в себя воздух.

Глаза Брэма округляются, как будто это прикосновение потрясло его не меньше, чем меня. Он отдергивает руку.

— Тебе его... — Он трет затылок. — Тебе его не хватает?

Поначалу этот вопрос озадачивает меня, но затем я понимаю, что он говорит о Деклане. Ну разумеется, Брэм думает, что это из-за моего чувства к Деклану у меня на запястье есть метка любви — ведь как-никак доведывание сопрягло меня именно с ним. Но от мысли об этом у меня все равно сводит желудок.

— Нет, — отвечаю я, — ничуть. — Предательство Деклана — это как свежий ожог, который начинает болеть от малейшего прикосновения. — Мне не хватает матушки. — При этом я не говорю: *«А еще мне не хватает того будущего, которого не было у меня с тобой»*. В моем сознании теснятся образы Брэма — это не совсем воспоминания, и они не совсем мои. Какие-то из них смутны, размыты, другие четки и удивляют яркостью цветов. Но взятые вместе они вызывают глубокое смятение в моей душе.

Я не могу позволить себе влюбиться в него. Метка любви — это след, оставшийся от моего другого пути, так что со временем она пропадет. То, что не получает подпитки, в конце концов увядает. Если эта метка исчезнет, вероятность того, что Лэтам убьет меня, станет куда меньше.

Брэм бросает на меня еще один странный взгляд, как будто я для него загадка, которую он не может разгадать. Он вертит нож в руках, разглядывая клинок.

— Этот нож изготовил не Косторез, — замечает он. — К тому же он еще и тупой. С ним тебе пришлось бы возиться всю ночь. — Он снимает с шеи кожаный мешочек, достает из него небольшой складной ножик с костяной рукояткой и, открыв его, взглядом показывает на мое семейное дерево. — Можно?

Я киваю и отхожу в сторону. Держа нож параллельно земле, Брэм ловкими, уверенными движениями вырезает на коре имя моей матушки. Я перевожу взгляд с дерева на мышцы его руки, напрягающиеся под рукавом.

Закончив работу, он поворачивается ко мне:

— Ну как?

Он аккуратными печатными буквами вырезал на стволе имя моей матушки — ДЕЛЛА ХОЛТ — и дату ее смерти.

Я чувствую, как по моей груди разливается тепло.

— Отлично, — говорю я, слыша, как мой голос немного дрожит. — Спасибо тебе.

Мне ужасно хочется коснуться его, но вместо этого я сую руки в карманы. Мне придется провести с ним несколько недель, плывя на корабле в Замок Слоновой Кости, и после того, как я увидела ту реальность, в которой мы вместе, мне будет нелегко не искать у него утешения. Не чувствовать, как он берет меня за руку, словно обещая, что отныне он будет удваивать любую мою радость и делить со мной любую мою боль. Но я должна попытаться.

Ведь от этого зависит моя жизнь.

Мы с Эйми блуждаем по улицам Мидвуда, держась за руки. Солнце скоро зайдет, и небо окрашено розовым и золотым. Мы уже несколько часов пытаемся попроситься, но ни одна из нас не может подобрать нужных слов. И мы продолжаем гулять, продолжаем болтать о пустяках, как будто будем вместе всегда. Как будто завтра я не сяду на корабль и не уплыву, а Эйми не останется тут, и мы впервые в жизни не сможем видеться каждый день.

Как бы мне ни хотелось притвориться, что все нормально, у меня ничего не выходит.

Куда бы я ни посмотрела, я везде вижу призраки моих родных. Вот матушка выходит из Куши, держа под мышкой каменную чашу и неся ее так, словно она весит не больше пера; вот бабушка заходит в «Сладкоежку», чтобы купить свои любимые лимонные леденцы; вот мой отец удит рыбу на берегу Шарда с довольной улыбкой на лице. И от этих воспоминаний мое сердце наполняет сладкая тоска.

Но я вижу и другие образы — вот Деклан сплетает свои пальцы с моими, шепча обещания, которые он вообще не собирался выполнять; вот я стою рядом с матушкой в костнице, глядя на пустой ларец, в котором должны были покоиться кости моего отца; вот я вхожу в мой дом, всегда безопасный и полный любви, и вижу Лэама, приставившего к горлу матушки нож.

Мидвуд уже никогда не станет для меня таким, каким был прежде. Теперь я даже представить себе не могу, как можно было бы здесь остаться. Но мне невыносима и мысль о том, что я должна уехать.

В конце концов мы с Эйми оказываемся на берегу — наши ноги словно сами принесли нас сюда. Но сейчас слишком холодно, чтобы снимать ботинки и погружать ступни в воду. И мы садимся на траву, кутаясь в наши теплые плащи.

Эйми легко толкает меня плечом.

— О чем ты думаешь?

Наконец-то хоть один откровенный вопрос. Должно быть, она тоже чувствует, как уходит время — так из пригоршни выливается вода, неумолимо сочась между пальцами, как бы ты ни пыталась ее удержать.

И я даю ей такой же откровенный ответ:

— Я жалею о том, что я такая трусиха.

Она поворачивается ко мне, удивленно округлив глаза:

— Почему ты так говоришь?

Я зарываюсь руками в траву и пропускаю травинки между пальцев.

— Эйми, я все время боюсь.

Она какое-то время молчит.

— Боишься чего?

Я вздыхаю. На этот вопрос можно дать столько ответов.

— Что, если Верховный Совет прознает, что, уча меня, матушка нарушила закон? Это погубило бы ее доброе имя. — Я прикусываю губу. — А может, они захотят наказать меня саму.

— Все будет хорошо, — отвечает Эйми. — Они никак не смогут это узнать, если ты сама им не скажешь.

Я пристально смотрю на нее:

— О нет, смогут.

— Саския! — У моей подруги ошеломленный вид. — Я бы никогда тебя не выдала.

Я закатываю глаза и игриво дергаю ее за темную блестящую косу:

— Я говорю не о тебе. Меня может выдать моя метка мастерства.

Но тут до меня доходит еще кое-что, и мне становится не по себе. Эйми не единственная, кому известно, что я пользовалась магией, которая не была со мной сопряжена. И мои пальцы судорожно стискивают пучок травы.

— Никто не станет осматривать тебя в поисках непредусмотренных меток, — врывается в мои размышления голос Эйми. Она права. Метки считаются чем-то глубоко личным, и спрашивать о них не принято.

У меня вырывается вздох облегчения:

— Я опасалась, что о метке меня может спросить мой Наставник, чтобы оценить мои успехи.

Лицо Эйми мрачнеет.

— А, ну да.

— Оскар спрашивал тебя о твоей метке мастерства?

Она берет меня за руку:

— Спрашивал, но не сразу. — Она сжимает мои пальцы. — Не беспокойся — к тому времени, когда кто-то спросит тебя об этом, ты уже будешь достаточно долго сопряжена с магией гадания на костях, так что ни у кого не возникнет подозрений. Просто никому не показывай ее до тех пор.

Как хорошо, что погода переменилась. Не будет ничего необычного в том, что я до самой весны буду носить длинные рукава, а к тому времени мою метку мастерства уже никто не сможет вменить мне в вину.

— Брэм тоже знает правду, — тихо бормочу я.

Эйми потрясенно открывает рот:

— О твоей метке мастерства?

— Нет, но ему известно, что я пользовалась магией, которая не была со мной сопряжена. Весной после того, как погибла матушка, я погадала при нем на костях. Тогда я была сама не своя и плохо соображала, что делаю.

На лице Эйми впервые отражается такое же смещение, какое сейчас обуревают меня саму.

— А он может им сказать? — спрашивает она.

— Не знаю. Мне хочется думать, что он ничего не скажет, но в этой реальности он другой человек. Его Наставником был Лэтам.

Эйми кусает ноготь своего большого пальца:

— Это плохо. Но он же не знал, на что способен Лэ-там, не так ли?

— Я понятия не имею, что он знал, а чего не знал, — отвечаю я. — И совершенно не представляю, кому я могу доверять, а кому нет.

— Доверяй самой себе, — говорит моя подруга. — Верь своему чутью.

— Именно это я и делала, когда заводила отношения с Декланом, и к чему это привело?

Взгляд Эйми становится мягче:

— Не все парни такие, как Деклан.

— И нет никого, равного тебе.

Ее нижняя губа дрожит, и она обнимает меня. Я крепко прижимаю ее к себе, пока она наконец не отстраняется и не устремляет на меня оценивающий взгляд.

— Может быть, с помощью всех этих опасений ты просто замещаешь в своем сознании то, что мучает тебя на самом деле, — говорит она.

Я резко смеюсь:

— Ты права. Мне не о чем беспокоиться — несопряженная магия не так уж противозаконна, кости моей матушки потеряны не безвозвратно, а Заклинатель, намеревающийся меня убить, не так уж порочен.

Эйми поджимает губы и сердито смотрит на меня:

— Ты закончила?

— Да. Так что же, по-твоему, мучает меня на самом деле?

— По-моему, тебе тяжело от того, что, покинув Мидвуд, ты будешь чувствовать, что твоя матушка, которой тебе так недостает, стала от тебя еще дальше.

У меня на глаза наворачиваются слезы. Это так похоже на Эйми. Взять мои опасения и тревоги, обернуть их в присущую только ей любовь и вернуть их мне таким образом, чтобы я почувствовала, что она видит меня насквозь.